

но не превратился в слепого последователя Гитлера» (с. 597), ничего не меняют. Нападение на СССР и начавшуюся войну Николай Евгеньевич приветствовал. Как приветствовал её и Д.С. Мережковский, выступивший по радио с речью «Большевизм и человечество». Некоторое время позитивно отзывался о Гитлере И.С. Шмелёв. Через симпатии к фашизму прошёл И.А. Ильин. Все они тоже не были «слепыми последователями», но... первичная ненависть к большевизму логически привела их на этот путь. Ведь если большевизм для них — абсолютное зло, то *любой* борец с ним становится злом меньшим.

Примечания

¹ *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич. Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011; *Иванов А.А.* Пламенный

реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020.

² *Марков Н.Е.* Войны тёмных сил. М., 1993; *Марков Н.Е.* Войны тёмных сил. Статьи 1921–1937 / Сост. М.Б. Смолин. М., 2008; *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны тёмных сил / Сост. Д.И. Стогов. М., 2011.

³ *Марков Н.Е.* Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин, 1938.

⁴ Подробнее см.: *Квасов О.Н.* Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX века // *Via in tempore.* История. Политология. 2011. № 19(114). Вып. 20. С. 169–170.

⁵ Как пишет историк, в 1918 г. А.В. Барченко посещал кружок оккультистов, который возглавлял Д.В. Бобровский (двоюродный брат Н.Е. Маркова), и якобы, что весьма сомнительно, именно там познакомился с Николаем Евгеньевичем и его дочерью (*Мороз Е.Л.* Коммунизм и еврейская магия: эпизод истории двадцатых годов // *Нева.* 2005. № 6. С. 175–193).

⁶ Подробнее см.: *Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С.* «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // *Новейшая история России.* 2014. № 1. С. 140–156.

Арсений Соколов

Масон Великого Востока народов России П.М. Макаров*

Arseny Sokolov

(The State Hermitage museum, Saint Petersburg, Russia)

The Mason of the Great East of the peoples of Russia P.M. Makarov

DOI: 10.31857/S2949124X24030189, EDN: GBXWWS

Монография П.Н. Гордеева на данный момент — единственное всестороннее исследование жизни и деятельности Павла Михайловича Макарова (1872–1922), ставшее итогом многолетнего поиска, анализа и обобщения разнообразных, как правило, отрывочных сведений, сохранившихся в архивных делах, в периодической печати и мемуаристике. Особый интерес представляют выявленные Гор-

деевым в Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов ГА РФ (ф. Р-5881) небольшие очерки Макарова о событиях 1917 г., в том числе о сопровождении царской семьи в Сибирь. Эти воспоминания опубликованы в качестве приложений к его биографии (с. 173–212).

Хотя в названии книги Макаров представлен как «гражданский инженер», и его профессиональным

* *Гордеев П.Н.* Гражданский инженер П.М. Макаров и его воспоминания о революции и царской семье. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 236 с., ил.

качествам посвящена значительная часть текста, конечно, гораздо важнее сюжеты, связанные с общественно-политической жизнью России. Гордеев блестяще реконструировал обстоятельства знакомства и дружбы Макарова с известным эсером-террористом Б.В. Савинковым, женатым на сестре однокурсника и близкого друга Павла Михайловича. Как установил историк, в 1905 г. Макаров симпатизировал и помогал эсерам. Став гласным Санкт-Петербургской думы на 1910–1916 гг., он не успел включиться в её работу, поскольку уже в начале 1911 г., когда инженер возвращался из Парижа (где встречался с Савинковым), его арестовали на границе и продержали с февраля по апрель в Петропавловской крепости, после чего уволили со службы в Главном управлении неокладных сборов и казённой продажи питей Министерства финансов и выслали в Ригу. Правда, уже в 1912 г. ему разрешили вернуться в столицу (с. 55–56, 61, 65, 78–79). В годы Первой мировой войны он присоединился к кружку, собиравшемуся вокруг З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, а в марте 1917 г. получил пост помощника комиссара над бывшим Министерством императорского двора и уделов. Вероятно, этому способствовали его масонские связи, и их необходимо рассмотреть подробнее, учитывая собранные Гордеевым данные, которые, казалось бы, порою не имеют прямого отношения к масонству, но вместе с тем не могут быть объяснены без понимания характерных для него форм общения и взаимодействия.

Возобновление работы масонских лож в России в начале XX в. произошло по инициативе русских эмигрантов, посвящённых в масоны за границей, а затем приехавших в Санкт-Петербург и Москву (М.М. Ковалевский, Е.И. Кедрин, Н.Н. Баженов и др.). Макаров при-

надлежал уже ко второй волне «призыва» в ряды вольных каменщиков. В ноябре 1907 г. его приняли, по свидетельству кн. Д.И. Бебутова, в петербургскую ложу Великого Востока Франции, во главе которой стоял профессор Ковалевский¹. В то же время к ней присоединились присяжный поверенный П.Н. Переверзев (будущий министр юстиции Временного правительства) и профессор Г.Л. Тираспольский². Макаров сразу включился в масонскую работу и в начале 1908 г. вместе с кн. Д.И. Бебутовым, А.А. Демьяновым, Е.И. Кедриным, Г.Х. Майделем, М.С. Маргулиесом, гр. А.А. Орловым-Давыдовым ездил в Москву для проведения церемонии посвящения новых кандидатов. Тогда при его участии в московскую ложу «Возрождение» (также работавшую в союзе Великого Востока Франции) приняли бывших депутатов I Думы кн. С.Д. Урусова и В.П. Обнинского, присяжных поверенных С.А. Балавинского, О.Б. Гольдовского и И.Н. Сахарова, актёра А.И. Сумбатова (Южина) и видного рязанского земского деятеля А.К. Дворжака. В мае 1908 г. прибывшие в Петербург эмиссары Великого Востока Франции провели официальную инсталляцию ложи «Полярная звезда», к которой принадлежал Макаров (её «досточтимым мастером» с 1908 г. являлся гр. Орлов-Давыдов). Собственноручная подпись Павла Михайловича имеется в списке братьев, составленном тогда на французском языке и отправленном в Париж. Как и другие братья «Полярной звезды», он подписал также клятву Великому Востоку Франции³.

Находясь ещё в степени ученика и не занимая в ложе офицерских должностей, Макаров вёл себя весьма активно. На одном из заседаний он вместе с Маргулиесом потребовал от секретаря «Полярной звезды» кн. Бебутова, заподозренного братьями

в провокаторстве, удалить из его комнаты всю масонскую символику и переоборудовать её в жилое помещение. Потом они пожелали увидеть его масонский диплом, выданный Великим Востоком Франции, и клятвенное обещание. «Только я их достал, — вспоминал князь, — Макаров, не дождавшись никаких решений, как зверь бросился рвать бумагу и так стремительно, что никто не успел произнести слова. Все начали кричать, кто протестовать, кто одобрять, нельзя было ничего разобрать. Самый главный документ был уничтожен. Этот день — последний день масонства в России, и я ещё раз убедился, что масонство не для русских»⁴.

В феврале 1910 г. состоялось общее собрание делегатов русских лож Великого Востока Франции. Макаров участвовал в нём вместе с эсером С.Д. Масловским (Мстиславским), представляя «Военную ложу»⁵. На этой встрече было принято решение объявить о самороспуске мастерских, дабы помешать полиции их раскрыть. Однако фактически они продолжали действовать и лишь прервали отчётность перед парижским центром и перестали звать на заседания некоторых братьев, не внушавших доверия. Вскоре обновлённые ложи постановили именовать свою организацию Великим Востоком народов России (ВВНР). Макаров играл в ней далеко не последнюю роль.

А.Я. Гальперн в 1928 г. рассказывал, что в 1911 г. был принят в «мастерскую», председателем («венераблем») которой являлся Демьянов, оратором — Переверзев, старшим надзирателем — Макаров, младшим — А.И. Браудо. В ложу также входили Масловский, адвокаты Б.Г. Барт, В.А. Виноградов (в 1907—1917 гг. — депутат Государственной думы), А.Ф. Керенский, и архитектор Я.Я. Брусов⁶. Хотя ложи формировались обычно по террито-

риальному признаку, в данном случае нельзя не обратить внимание на левые взгляды её членов: народный социалист Демьянов, эсеры Масловский и Переверзев, примыкавший к меньшевикам Гальперн, пока ещё беспартийный Керенский, вступивший затем в думскую фракцию трудовиков, и близкий друг Савинкова Макаров. Из всех членов ложи только Виноградов представлял левое крыло «буржуазной» партии кадетов. Имела она и некий профессиональный оттенок, будучи не только «левацкой», но и «адвокатско-архитекторской». Причём, как установил Гордеев, Макаров и Брусов в 1890-е гг. вместе учились в Институте гражданских инженеров и сохраняли дружеские отношения на протяжении всей жизни. В 1905—1906 гг., войдя в состав правления Общества гражданских инженеров, они пытались втянуть его в революционное движение. После вступления в масонство Макаров и Брусов привлекали братьев по ложе и к своим деловым операциям. Так, в мае 1913 г. Макаров и Брусов как члены правления Санкт-Петербургского строительного товарищества подписали с заказчиком договор на постройку дома на 6-й линии Васильевского острова. После окончания строительства в феврале 1915 г. Товарищество выкупило здание себе, причём эту сделку «по доверенности» от Макарова и Брусова заключил председатель их «мастерской» Демьянов (с. 81—82).

Незадолго до Первой мировой войны Макаров вошёл в руководящий орган ВВНР — Верховный совет, члены которого желали тогда привлечь к масонству Мережковского и Гиппиус и даже решили открыть для этого специальную ложу. Любопытно, что именно в то время в Петрограде сложился довольно тесный кружок, включавший, помимо Мережковского и Гиппиус, председателя Религиозно-

философского общества А.В. Карташёва, философа-мистика А.А. Майера, а также, казалось бы, далёких от метафизики Керенского, Макарова и Н.Д. Соколова, принадлежавших к ВВНР. В 1915–1916 гг. они часто собирались на квартире Павла Михайловича, где, по словам Д.В. Философова, «всегда был хороший приличный ужин» (с. 99–100). Возможно, эти встречи перетекали и в заседания логи.

Осенью 1915 г., как вспоминал Гальперн, Масловский, которого некоторые масоны начали подозревать в азефовщине, после длительного отсутствия явился на заседание ячейки Демьянова и предложил организовать убийство Николая II, против чего резко выступили кн. Г.Д. Сидамон-Эристов и Брусов. Макаров, Демьянов, Гальперн и Браудо выразили «общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства; в персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно». Верховный совет, обсудив случившееся, решил немедленно исключить Масловского из организации («усыпить»)⁷. После Конвента 1916 г. и переформирования Верховного совета ВВНР Макаров покинул его состав, оставшись активным членом по меньшей мере двух столичных лож (Демьянова и Мережковского). Вместе с тем, как отмечает Гордеев, «к 1917 г. Павел Макаров уже был человеком, далёким от крайнего радикализма, который шесть лет назад довёл его до тюрьмы на Заячьем острове» (с. 106).

При Временном правительстве Керенский начал активно привлекать на разные государственные посты своих сторонников и братьев, Макаров 4 марта занял должность товарища правительственного комиссара над имуществами Министерства Импе-

раторского двора и уделов. В первые дни революции его непосредственным руководителем (комиссаром) являлся назначенный Временным комитетом Государственной думы октябрист Н.Н. Львов, но вследствие интриг Керенского и Макарова он взял самоотвод, уступив место бывшему председателю II Думы и члену Верховного совета ВВНР Ф.А. Головину (с. 104).

С весны 1917 г. Керенский постоянно старался держать отречшегося императора под собственным контролем, окружая его людьми, на которых мог полностью положиться. Неудивительно, что больше всего он доверял масонам ВВНР. Ещё в марте комендантом царскосельского Александровского дворца, где содержалась царская семья, стал его брат по ложе полковник П.А. Коровиченко⁸. За Урал Николая II сопровождал Макаров, а сменивший его по указанию Керенского другой член ВВНР – В.С. Панкратов – исполнял обязанности «комиссара по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, его супруги и его семейства в Тобольске» до конца января 1918 г.⁹

Летом 1917 г. в Россию вернулся Савинков, поселившийся в Петрограде на квартире Макарова и явно не без его участия и влияния по приезду принявший посвящение в ложе Демьянова¹⁰. Став «своим» для ВВНР, он тут же начал получать от Керенского всё более и более ответственные поручения: сначала стал комиссаром Юго-Западного фронта, затем товарищем военного министра и, наконец, управляющим военным и морским ведомствами и генерал-губернатором Петрограда и окрестностей. Согласно воспоминаниям Макарова, которые опубликовал Гордеев, в середине августа настроение Керенского неоднократно менялось. Он то восхищался Савинковым, то ревновал и опасался того уважения, каким бывший террорист пользовался среди

офицеров Генерального штаба. При этом сам Макаров беспрепятственно и довольно бесцеремонно часами просиживал в кабинете премьер-министра, пытаясь уладить назревавший конфликт (с. 192–204). Но размолвка всё же произошла, и после корниловского выступления Савинков лишился всех постов и покинул правительство. Макаров же и Головин сохранили своё положение вплоть до захвата власти большевиками.

Гражданская война лишила ВВНР возможности работать в России. Многим масонам пришлось бежать за границу. Гордеев привёл в книге несколько фрагментов из писем Макарова к Демьянову, в которых бегло упоминалось о судьбе бывших членов лож кн. Г.Д. Сидамон-Эристов, Н.С. Чхеидзе, С.А. Балавинского, П.Н. Переверзева в 1919–1922 гг. (с. 142). 20 января 1921 г. Павел Михайлович сообщил о своём вынужденном отъезде из России в марте 1920 г., «накануне самого падения Новороссийска», и о том, что на Лемносе и в Константинополе он встретил многих старых знакомых (в частности, кадетов К.Г. Голубкова и кн. В.А. Оболенского). При этом Макаров, по его словам, переписывался лишь с Балавинским, «ибо один только отвечает мне на письма, все остальные молчат» (с. 144–145). Следует учесть, что именно Балавинский в те годы являлся секретарём Верховного совета ВВНР, и «по должности» поддерживал связь с братьями¹¹. Переехав в Париж, он попытался возобновить работу лож в эмиграции и наладить отношения с Великим Востоком Франции, поскольку его, как и Макарова, принимали ещё во французскую ложу, и они оставались их членами (в отличие от Гальперна или Керенского, вступивших позже уже в «нерегулярные ложи»). 15 февраля 1922 г. Балавинский известил Макарова, перебравшегося в Чехословакию,

о том, что «у нас, кстати, заварилось “наше дело”, и я занят установлением связей с французами. Одна ячейка действует»¹². Но Павел Михайлович, на тот момент — один из «старейших и виднейших русских масонов», уже успел разочароваться в масонстве, как, видимо, и во многих других своих политических и общественных идеалах. 17 мая 1922 г. в письме к Демьянову он обругал братство, заявив, что ему «противны и поганы лицемеры всех стран и национальностей, и в особенности наций победительниц, т.е. французов и жидов». Как констатирует Гордеев, «такие признания из уст русского левого общественного деятеля, бывшего узника Петропавловской крепости и члена Верховного совета русского масонства, свидетельствуют о глубоком идейном переломе, вызванном в душе П.М. Макарова трагическими событиями революции и Гражданской войны» (с. 149). В занятиях ВВНР в эмиграции он явно не видел смысла, надеясь лишь на то, что французы всё же окажут материальную помощь семьям умерших русских братьев.

Монография П.Н. Гордеева — глубоко фундированное исследование, в котором биография гражданского инженера и архитектора реконструируется на фоне бурных социально-политических событий первой четверти XX в. Макаров был представителем российской интеллигенции, увлекавшейся революцией, искавшей самовыражения в Государственной думе, в органах местного самоуправления, в различных общественных учреждениях и в масонских ложах. Но, как показано в монографии, все эти деятели, ратовавшие за крушение царского режима, а в 1917 г. превратившиеся в политическую элиту, в ходе Гражданской войны оказались выкинутыми из страны, будто ненужный сор, со всеми своими идеалами «свободы, равенства и братства».

Примечания

¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 128.

² Elkin B. Attempts to Revive Freemasonry in Russia // The Slavonic & East European Review. Vol. XLIV. July 1966. № 103. P. 465.

³ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 128–129; Elkin B. Op. cit. P. 463, 465–466.

⁴ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 144. По свидетельству кн. В.Л. Вяземского, приезжавшие в мае 1908 г. эмиссары Великого Востока Франции «снабжали русские ложи кипами подписанных “ан блан” мастерских дипломов, что в дальнейшем повело к ряду недоразумений» (Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 161. 1985. С. 235), и кн. Бебутова подозревали в подделке собственных документов.

⁵ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 128–129, 143–144, 146. О деятельности этой ложи, просуществовавшей около года, почти ничего не известно. Её возглавлял некто Андрея-

нов, секретарём состоял «инженер Тимофеев», а оратором – Масловский. Возможно, к началу 1910 г. Макаров занял в ней место Тимофеева, которого, как вспоминал кн. Бебутов, перевели из Петербурга в Киев.

⁶ Там же. С. 51. А.И. Серков, не раскрывая источник своих сведений, включает в состав «Ложы Гальперна» также А.М. Колюбакина, Н.В. Некрасова и Н.Д. Соколова (Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1143). Однако какими-либо документами их принадлежность к данной «мастерской» не подтверждается.

⁷ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 65–66.

⁸ Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. М., 2001. С. 34. О членстве П.А. Коровиченко в ложе В.А. Виноградова сообщал В.Я. Гуревич (Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 101).

⁹ Панкратов В.С. С царём в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1990.

¹⁰ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 72, 100.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² ГА РФ, ф. 6632, оп. 1, д. 72, л. 1.

Валентин Шелохаев

Государственное совещание в перекрестии противостояния*

Valentin Shelokhaev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Moscow State Conference in the crosshairs of confrontation

DOI: 10.31857/S2949124X24030198, EDN: GBXMUS

Основой монографии А.Б. Николаева послужила его кандидатская диссертация «Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель–август 1917 г.)», защищённая в апреле 1990 г. (с. 27–28). А если учесть, что первые статьи автора по истории Государственного совещания появились ещё в 1987 г., то вполне очевидно, что эта тема не «оставляла» Николаева фактически 35 лет. По сути, между начальной и конечной датой превраще-

ния рукописи диссертации в монографию пролегли две историографические эпохи – советская и постсоветская, с принципиально разными теоретико-методологическими подходами к оценке всего комплекса событий после Февральской революции. За этот период Николаев проделал значительную работу по осмыслению самой революции и последующего весьма сложного и неоднозначного исторического процесса. С каждым новым исследованием автор продолжал рас-

* Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. СПб.: Астерион, 2022. 480 с.